

image not found or type unknown

XVIII век — век окончательного падения феодализма в Западной Европе, формирования великих европейских колониальных держав, сложения мирового рынка. На авансцену исторического процесса вышли Англия, самая передовая страна победившей буржуазной революции, и Франция, которая готовилась к эпохальной революции 1789–1793 годов; в католических — Испании и Италии — феодальные пережитки были еще достаточно стойки, а Германия с ее феодальной раздробленностью и крепостным правом была самой отсталой из стран Запада, только к концу XVIII века оправившейся от последствий Тридцатилетней войны.

В культуру XVIII век вошел под названием "век Просвещения", или "век Разума". "Просвещение" — такое же обозначение культурной эпохи, как "античность", "средневековье" или "Возрождение", то есть у этого термина самый широкий смысл. Просвещение создало свою особую картину мира, особую идеологию, на основе которой возник новый этап в искусствах.

XVIII век — ключевой период Нового времени, когда рухнуло традиционалистское сознание. Современное сознание начинается, по словам М. Вебера, с разделения самодостаточного смысла, который содержался в религии и метафизике, на три автономных сферы: науку, мораль, искусство. Они выделились, когда рухнуло единое мировоззрение, предлагавшееся религией и метафизикой. Проблематика, унаследованная от этих старых подходов к миру, начала выстраиваться на основе новых критериев: истины, права, подлинности или красоты. Каждой сфере культуры отныне соответствовала определенная профессия, и все возникавшие в ней проблемы отдавались на рассмотрение специалистам. Так возник зазор между культурой специалистов и культурным уровнем широкой публики. Ю. Хабермас так характеризует место XVIII века в истории культуры: "В восемнадцатом веке философы-просветители сформулировали проект модернизации путем развития объективной науки, всеобщей морали и закона, автономного искусства. Каждая из этих сфер должна была развиваться согласно собственным внутренним законам. Одновременно этот проект был призван высвободить познавательный потенциал каждой из этих сфер. Просветители собирались применить достижения специализации в культуре на пользу повседневности, иными словами, для более рационального устройства повседневной жизни общества.

Просветители со складом ума, подобным Кондорсе, все еще питали иллюзии относительно того, что искусства и науки не только помогут обрести власть над силами природы, но дадут людям понимание мира и места личности в нем, будут способствовать моральному прогрессу, справедливости государственных учреждений, а также счастью человека вообще. Двадцатый век покончил с этим оптимизмом".

Просвещение стремилось осветить новым, критическим светом все доселе существовавшие взгляды и теории и особенно радикально было настроено в сферах религии, философии и социальной мысли. Именно в XVIII веке разум одержал победу над верой и превратился из адвоката религии, как это было еще у Р. Декарта, в ее обвинителя. Разъяснительно-обвиняющая функция разума создает тот специфический смысл понятия Просвещения, которым пользовались в XVIII веке.

Хотя на уровне массового сознания религиозные предрассудки и обряды сохраняли свою традиционную роль, философы XVIII века вели последовательное разоблачение религиозных суеверий с позиций разума. Атеизм был в моде среди очень небольшой части интеллектуальной элиты, но даже те, кто не разделял крайностей атеизма, сходились во мнении, что последовательное мышление не найдет в мире никаких следов присутствия Бога, ничего, кроме природы. Просвещение наследует рационализм Декарта, но отвергает идею Бога. Христианское понимание человека, еще преобладавшее в XVII веке, сменилось пониманием натуралистическим.

Еще сильнее, чем в XVII веке, проступила зависимость человека от социума. Возникла концепция воспитания, согласно которой личность — отражение состояния общества, следовательно, оздоровление общества повлечет за собой совершенствование человека. В человеке основоположники Просвещения видели существо от природы доброе, наделенное врожденными неотчуждаемыми правами на свободу, равенство, счастье, а разум находит путь к осуществлению этих стремлений. Эта идея права человека на счастье на земле, а не в загробном мире, отличает гедонистический, склонный к наслаждениям XVIII век от XVII века с его христианским. Поэтому из философии и литературы Просвещения изгнано все мистическое, сверхчувственное, иррациональное, поэтому их отличают материалистический, сугубо рационалистический подход к миру и человеку. Но ведь свобода личности и духовная жизнь осуществляются во многом, как нам сегодня представляется, в сфере подсознания, и недооценка этой сферы чревата серьезными искажениями в представлениях о человеке. Все-таки человек не есть

"разумное общественное животное", он не объясним исключительно логикой и здравым смыслом; в человеке всегда есть непредсказуемость, несводимость к самым исчерпывающим объяснениям, и это-то и прекрасно, это — основа непохожести людей друг на друга, которую надо ценить и уважать. Просветители же полагали, что в людях куда больше общего, чем различного, и если людям объяснить их заблуждения и показать дорогу ко всеобщему счастью, они, как существа разумные, сразу на эту дорогу встанут. Это утопическое, иллюзорное представление о человеке было исправлено самой историей уже в ходе Французской революции, которая начиналась под лозунгами свободы, равенства, братства, а обернулась разгулом кровавого террора и наполеоновскими войнами, потрясшими всю Европу. Поэтому справедливы слова С. Л. Франка, говорящего о XVIII веке как о веке кризиса автономной личностно-духовной культуры, "когда Ренессанс и Реформация на Западе сменились уже плоским атеистическим просветительством и когда уже вплотную надвинулся грандиозный крах этого движения в лице великой французской революции".

В эпоху Просвещения политико-юридические представления оказались ядром понятия человеческой сущности, и эта специфика просветительской мысли привела к обоснованию в XVIII веке как воплощения этих идей социальных институтов буржуазной демократии, которые призваны были гарантировать невозможность узурпации власти одним лицом или группой лиц.

В последнее время традиционная картина Просвещения как века торжества Разума претерпевает изменения. Новейшие историки подчеркивают важность чувства, чувствительности в философии Просвещения, особенно на позднем его этапе. Английский философ Д. Юм утверждал: "Разум есть раб чувства, и может только служить и повиноваться чувствам". В искусстве позднего Просвещения — сентиментализме — эмоции важнее, чем интеллект, сердце важнее, чем голова; впервые люди стали ощущать чужую боль, как свою. Жалость, сочувствие, отвращение к жестокости стали мерилем гуманности, слезы стали знаком нежного сердца. Эти умонастроения вызвали к жизни сентиментальный роман С. Ричардсона, Л. Стерна, молодого И. В. Гете.

Мышление современного человека пронизано категориями, коренящимися в Просвещении (вера во всемогущество научного прогресса, заместившая веру в Бога, вера в справедливость буржуазно-демократических институтов власти, в общественную значимость искусства). Эти положения выражали исторический оптимизм, энергию молодого тогда класса буржуазии и могут относиться ко всей истории буржуазного периода: идеология Просвещения по сей день воплощена на

практике в общественном устройстве западных демократий.

Мы еще слишком близко стоим к этой эпохе, и оценки места и роли Просвещения еще будут уточняться в развернувшихся ныне спорах, но для понимания искусства Просвещения важно еще раз подчеркнуть две вещи: облегченное, чересчур узкое представление о человеке как о сумме внешних воздействий со стороны природы и общества и утопичность надежд на то, что разъяснение человеку его истинных интересов приведет к быстрой реформе общества на основе совершенствования отдельной личности.

Прямолинейное понимание преобразующего воздействия искусства на жизнь привело к доминированию в литературе Просвещения воспитательного начала, к развитию политико-философской литературы, драматургии. У просветителей философия потеснила искусство, и художественная литература XVIII века отличается не просто повышенным рационализмом, но зачастую используется как прямой рупор идейно-философских воззрений автора. От проблемы "человек и мир", свойственной Ренессансу, искусство Нового времени — и особенно это характерно для XVIII века — переходит к проблеме "человек и общество".
ригоризмом.